

Тузова Ольга Владимировна

ВЫСШЕЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1939-1945 ГГ.: СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ДЕТЕРМИНАНТЫ

В статье проанализированы основные структурные трансформации и динамические процессы в области высшего музыкального образования Среднего Поволжья в период Второй мировой войны 1939-1945 гг.: интеграция, редукция, разделение, новообразование. Выделены такие детерминанты, как культурная политика, обеспечение кадрами, помещением, инструментами, библиотечным фондом, материально-бытовые условия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. II. С. 199-204. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

3. Венгерова: «Его мечта в том, чтобы вместить мир и тайну бытия в торжествующую, божественную, стихийную личность» [2, с. 24]. Его драма в духе идеализма принадлежит своему времени, в ней много жизнеутверждающего нищестанства.

Д'Аннунцио создал мистерию нового типа, витраж, сквозь мозаику которого проливается свет на личную веру или безверие каждого. И все же публика не готова была воспринять этот труд выдающихся экспериментаторов в области искусства. Сегодня музыка Дебюсси к «Мученичеству Святого Себастьяна» играет во всем мире как симфонические фрагменты: «Двор лилий», «Экстатический танец», финал первого акта, «Страсти», «Добрый пастырь».

Список литературы

1. Альшванг А. Клод Дебюсси. Жизнь и деятельность. Мировоззрение. Творчество. М., 1935. 96 с.
2. Аннунцио Г. Собр. соч.: в 12-ти т. / пер. М. Ватсон; при участии Ю. Балтрушайтиса, В. Брюсова, М. Ватсон, З. Венгерова, З. Венгеровой, Конст. Эрберга и др. СПб.: Шиповник, 1910. Т. I. 205 с.
3. Дебюсси К. Избранные письма / сост., перевод, вступит. статья, коммент. А. Розанова. Л.: Музыка, 1986. 286 с.
4. Монастырщина Ю. Мистерия Г. Д'Аннунцио – К. Дебюсси как пример религиозного синтеза эпохи модерна (рубеж XIX-XX веков): автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2000. 26 с.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. Ю. М. Антоновского. М.: ИФ РАН, 2004. 384 с.
6. Фокин М. Против течения. Воспоминания балетмейстера. Статьи, письма. Л.: Искусство, 1962. 640 с.
7. Шнейерсон Г. Французская музыка XX века. М.: Музыка, 1964. 404 с.
8. Annunzio G. Le Martyre de Saint Sébastien. Paris: Éditeurs Calmann-Lévy, 1911. 270 p.

MYSTERY PLAY “THE MARTYRDOM OF SAINT SEBASTIAN” BY ANNUNZIO - DEBUSSY. ABOUT CREATION AND CREATORS

Violetta Pavlovna Tomakhina

Department of Classical Disciplines

Saratov State Conservatory (Institute) named after L. V. Sobinov

Tomakhina.v@yandex.ru

The author tells about the history of the creation of the synthetic performance “Saint Sebastian’s Martyrdom” by Annunzio – Debussy, affirms the uniqueness and value of mystery experience on the creative way of its originators, conducts the analysis of the literary work and musical pieces that allows revealing the elements of mystery genre, and how they exist in a new way within the conception of the performance, and singles out sacred topics in the basis of the drama: biblical and mythological ones, as well as the legends and philosophical ideas of the XXth century.

Key words and phrases: mystery play; “The Martyrdom of Saint Sebastian”; antiquity and Christianity; “superman” of Nietzsche; musical theater; Gabrielle D’Annunzio; Claude Debussy; Ida Rubinstein; M. Fokine; Leon Bakst.

УДК 94(470)«1939-1945»

Исторические науки и археология

В статье проанализированы основные структурные трансформации и динамические процессы в области высшего музыкального образования Среднего Поволжья в период Второй мировой войны 1939-1945 гг.: интеграция, редукция, разделение, новообразование. Выделены такие детерминанты, как культурная политика, обеспечение кадрами, помещением, инструментами, библиотечным фондом, материально-бытовые условия.

Ключевые слова и фразы: высшее музыкальное образование; региональная музыкальная культура; структурно-динамические процессы; консерватория; Среднее Поволжье; Вторая мировая война.

Ольга Владимировна Тузова, к. ист. н., доцент

Кафедра социологии, политологии и истории Отечества

Самарский государственный технический университет

ovtuzova@mail.ru

ВЫСШЕЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1939-1945 ГГ.: СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ДЕТЕРМИНАНТЫ[©]

Одной из важнейших качественных характеристик региональной музыкальной культуры является наличие института высшего образования, свидетельствующее о потенциале самообеспечения системы

компетентными кадрами. Необходимость развития этого звена в провинциальном пространстве была вызвана дефицитом профессионалов в исполнительской, педагогической, теоретической, композиторской сферах в условиях усложнения и расширения музыкально-культурной системы страны.

В Среднем Поволжье подготовка кадров проводилась в 1930-1940-е гг. в музыкальных школах, училищах, секциях, студиях (эстрадного искусства, оперно-балетных, хореографических). Кроме Саратовской консерватории на территории Татарской АССР, Куйбышевской, Ульяновской и Пензенской областей к 1939 г. не было, поэтому местные музыканты получали высшее образование преимущественно в Москве и Ленинграде. Специфической формой следует считать Татарскую оперную студию при Московской государственной консерватории (1934–1938 гг.): целевое обучение для создания национального оперного театра локализовалось в столице, осуществлялось ведущими преподавателями страны и финансировалось за счет бюджета Татарской АССР [20].

В числе приоритетных задач в области музыкального образования к концу 1930-х гг. было обеспечение принципов непрерывности и преемственности. Континуитет представлялся эффективным способом оптимизации процесса подготовки кадров, одним из вариантов которого должно было стать открытие школ-десятилеток при всех консерваториях к 1942 г. как доминирующего источника комплектования студенческого контингента [15, д. 73, л. 13]. Среди проектов 1940 г. – школы-десятилетки с интернатной формой обучения в некоторых автономных республиках (Татария, Башкирия) для пополнения инолокальных музыкальных вузов [17, д. 12, л. 50 об.].

Другой вариант – интеграция консерваторий и музыкальных училищ. Например, Саратовское училище перевели с 1 января 1941 г. на республиканский бюджет и передали в организационное и методическое ведение консерватории [16, д. 48, л. 141]. Произвели пересмотр штатного состава: добавили новые единицы (секретарь, завуч, ответственный исполнитель по учету успеваемости, кассир), вместо двух стали работать по одному заведующему библиотекой, хозяйственной частью и общежитием и т.д.; объединили хозяйственные расходы [2, д. 32, л. 1]. Связь вузовских кафедр с цикловыми комиссиями осуществлялась на совместных заседаниях, при обсуждении методических работ и докладов педагогов, через взаимопосещения занятий, присутствие представителей консерватории на весенней экзаменационной сессии в училище. Однако единства достичь не удалось, о чем свидетельствовало различие оценок, выставленных на выпускных экзаменах в училище и на вступительных – в консерваторию [13, д. 546, л. 36]. О нерешенности проблемы говорит и тот факт, что только три выпускника Саратовского музучилища поступили в консерваторию к сентябрю 1943 г. при плановом наборе в 40 человек. Поразительно, но за 1941-1944 гг. из училища было принято всего около 10 человек [2, д. 39, л. 44; 5, д. 12, л. 2]. Более того, заметным недостатком в подготовке абитуриентов Саратовской консерватории в течение нескольких лет (по данным на 1945 г.) являлся слабый уровень знаний по теоретическим дисциплинам, сформированный в училище по причине нехватки соответствующих преподавателей. В 1943 г. в целях улучшения работы Саратовского музыкального училища оно было подчинено консерватории не только в организационно-методическом, но и в материально-финансовом аспекте. Следующая серьезная попытка скоординировать деятельность этих учреждений относится к январю 1945 г., когда сформировали Саратовский музыкально-педагогический комбинат, включавший консерваторию, училище и детскую музыкальную школу при общем руководстве директора – профессора Г. К. Поповицкого [16, д. 93, л. 75, д. 152, л. 49; 17, д. 63, л. 146].

Вне сомнения, указанные выше тенденции подверглись корректировке в начале Великой Отечественной войны как по причине сокращения сети музыкальных школ и училищ, так и в результате эвакуационных процессов, расчленивших образовательные институты. В сложной ситуации оказалась Московская государственная консерватория, эвакуированная в октябре 1941 г. в Саратов. Связанную с ней Центральную детскую музыкальную школу, базового поставщика подготовленных студентов, распределили в Пензу, что нарушало континуум «музыкальная школа-десятилетка – консерватория». Попытки дирекции консерватории согласовать их работу летом 1942 г. успехом не увенчались [2, д. 36, л. 27 об.]. Кроме того, единство столичного вуза было нивелировано распыленностью контингента преподавателей (Москва, Тбилиси, Свердловск и проч.) и студентов. Открытие в ноябре 1942 г. филиала позволяло находившимся в столице студентам продолжать обучение, но при этом негативно сказывалось на деятельности Московской консерватории в Саратове (сложности с приемом и др.). Некоторые преподаватели и студенты переехали в Москву: профессор Я. И. Рабинович, доцент И. П. Пономарьков, К. Г. Мострас, лауреат всесоюзного конкурса пианистов, сталинский стипендиат А. Каплан, ассистенты Ю. И. Янкелевич и М. Б. Питкус, студент Г. И. Титов и др. [13, д. 833, л. 19, 72, 83, 88].

В 1938/39 учебном году в Саратовской консерватории были представлены шесть специализированных кафедр (вокальная, фортепианная, музыкально-педагогическая, оркестровая, струнных инструментов, духовых инструментов) и две межфакультетские – теоретических дисциплин и общего фортепиано. В 1940/41 учебном году в структуре не обнаружены кафедры струнных и духовых инструментов, добавилась кафедра марксизма-ленинизма [13, д. 546, л. 5; 16, д. 33, л. 40].

В результате слияния Саратовского и столичного коллективов в 1942/43 учебном году в объединенной консерватории действовало 8 факультетов: фортепианный, оркестровый (струнные и духовые инструменты), вокальный, дирижерско-хоровой, дирижерский (оперный и симфонический), композиторский, историко-теоретический и музыкально-педагогический [6]. Кроме того, учитывая требования времени, Московская консерватория к маю 1942 г. проводила подготовку сверх учебного плана 20-25 баянистов из числа наиболее

талантливых студентов-пианистов. Все остальные получали дополнительную квалификацию руководителей хоров в целях пропаганды массовой песни [1, д. 2868, л. 55, 58, 98 об.].

Официально Саратовскую консерваторию восстановили как самостоятельное учебное заведение, находившееся в непосредственном ведении Управления по делам искусств при СНК РСФСР, с 1 января 1943 г. (до 31 декабря 1942 г. сохранялось союзное финансирование) [12, д. 1002, л. 1]. Исполняющим обязанности директора до эвакуации Московской консерватории назначили профессора Г. А. Столярова, заместителем директора по учебной части – и.о. доцента Б. Н. Бурлакова. К 15 января 1943 г. необходимо было представить на утверждение новые кандидатуры деканов факультетов и состав художественного совета. Предписывалось также начать обучение в классе композиции при историко-теоретическом и в музыкально-педагогическом классе – при дирижерско-хоровом факультете [16, д. 93, л. 75].

К началу 1941/42 учебного года в Саратовской консерватории открыли национальную студию для Чувашской АССР (аналог для Бурят-Монгольской АССР создавался при Свердловской консерватории). При предполагаемом контингенте в 30 человек на подготовительный курс Чувашской студии к 1 июля 1941 г. зачислили 17 человек. В сентябре 1943 г. потребовалось ее восстановление (осталось 3 студента); кроме того, начала работу Мордовская национальная студия [1, д. 2452, л. 143; 2, д. 39, л. 43 об.; 13, д. 546, л. 5; 16, д. 75, л. 77-78].

Среди новообразований исследуемого периода – кафедра истории русской музыки в Саратовском вузе (начала работать с 1943/44 учебного года параллельно с Ленинградской и Московской консерваториями) и кафедра хорового дирижирования (у истоков в 1944 г. были М. В. Тельтевская и С. А. Заливухин). Подчеркнем, что выпускники по специальности хорового дирижирования были весьма востребованы в связи с развитием самодеятельных хоров, особенно в 1945 г. [19, д. 3, л. 17].

В июле 1943 г. преподаватели А. Н. Амитон, А. Л. Бессмертный, Л. В. Зайц и Б. Н. Бурлаков организовали струнный квартет Саратовской консерватории. В его задачи входила популяризация русской камерной музыки (первый концерт, например, был посвящен творчеству П. И. Чайковского и С. И. Танеева). Членов исполнительских кафедр включали в фортепианное трио, сонатные ансамбли [3, д. 4, л. 1 об.; 7; 8].

В декабре 1944 г. в Саратове был создан симфонический оркестр при консерватории, ставший значимой концертной единицей. Его формированию способствовала деятельность сводного оркестра из 90 преподавателей и студентов Московской и Саратовской консерваторий (Л. М. Цейтлин, Я. И. Рабинович, А. Л. Бессмертный, В. В. Зайц, лауреаты Всесоюзных конкурсов исполнителей С. Кнушевицкий, М. Затуловский, Я. Слободкин, М. Питкус и др.), первое выступление которого состоялось 24 ноября 1941 г. В оркестре Саратовской консерватории насчитывалось свыше 40 преподавателей и студентов вуза и училища [4, д. 4, л. 20; 16, д. 93, л. 75].

Значительным образовательным проектом всероссийского масштаба стало основание Казанской консерватории; к маю 1945 г. нашли помещение, завершили комплектование I курса и преподавательского состава. Планировалось обучение на пяти факультетах: фортепианном, оркестровом, вокальном, хорового дирижирования, теоретико-композиторском [9; 12, д. 1313, л. 38]. Первым директором Казанской консерватории назначили заслуженного деятеля искусств Татарской АССР и РСФСР, композитора Н. Жиганова. В статье, опубликованной в «Красной Татарии», он отмечал, что «открытие консерватории даст толчок всей музыкальной жизни Казани и республики, повысит её музыкальную культуру, подготовит национальные кадры искусства. Консерватория поможет разрешить задачу создания общегородского симфонического оркестра, в котором давно ощущалась потребность, и станет центром музыкальной культуры Среднего Поволжья». Корреспонденцию в адрес Казанской консерватории присылали в мае-июне из Сибири, Северного Кавказа, Мурманска, Горьковской, Молотовской, Тамбовской, Ростовской, Калининской областей. Организационный период продолжался до 1 октября 1945 г., когда начались приемные испытания [10; 11].

К существенным факторам, повлиявшим на развитие высшего музыкального образования в регионе, следует отнести кадровую обеспеченность. Для отечественной музыкально-культурной системы исследуемого периода в целом было характерно неравномерное распределение преподавательского компонента (острый недостаток на периферии специалистов по историко-теоретическим дисциплинам, исполнению на духовых и струнных инструментах). На уровне Управления по делам искусств в 1940 г. обсуждался вопрос о дефиците исполнителей на арфе и духовых инструментах. Одним из способов решения проблемы видели организацию обучения в городах с оперными театрами (Свердловск, Горький), а также перевод с фортепианных и теоретических отделений училищ [16, д. 33, л. 43; 17, д. 9, л. 1].

В 1939 г. в Саратовской консерватории из 37 человек педагогического состава по специальным дисциплинам не было ни одного профессора, только 3 доцента. В силу этого не удалось утвердить совет консерватории, а также кандидатуры заведующих шести кафедр [16, д. 33, л. 40]. В 1940 г. структуру отдельных вузов пересмотрели и ликвидировали факультеты, не обеспеченные необходимым составом (дирижерский и композиторский в Саратовской консерватории, историко-теоретический – в Свердловской) [12, д. 712, л. 27]. Отсутствие у педагогов соответствующей квалификации отмечалось по струнным (скрипке) и медным духовым инструментам. К 1940/41 учебному году Главным управлением учебных заведений подбиралась кандидатура на замещение должностей руководителей кафедр по вокалу и музыкальной педагогике, к фортепианной кафедре прикрепили профессора Б. Р. Гинзбурга [17, д. 12, л. 46 об., 47]. По данным на июль 1940 г., из 42 педагогов работал 1 профессор и 4 доцента, а в июле 1941 г. в числе 44 педагогов – уже 6 профессоров и 5 доцентов [13, д. 546, л. 5].

Дефицит высококвалифицированных кадров, наблюдавшийся в провинции в конце 1930-х гг., несколько снизился в Среднем Поволжье в эвакуационный период (1941-1943 гг.) и резко увеличился после отъезда столичных институтов и отдельных преподавателей. В объяснительной записке Управления по делам искусств при СНК РСФСР за 1943 г. указывалось на невыполнение после переезда коллектива Московской консерватории учебного плана по оркестровому и хоровому классам; не проводились занятия по методике преподавания струнных и духовых инструментов, по курсу педагогики для студентов II курса историко-теоретического и дирижерско-хорового факультетов. К 1944/45 учебному году студенты последнего не могли окончить курс из-за отсутствия педагога по основной специальной дисциплине; не хватало композитора-теоретика и педагога по истории музыки; не удовлетворял требованиям преподаватель по классу трубы. Особенно ощутимой оказалась реэвакуация таких музыкантов, как, например, пианиста В. В. Нильсена, который пользовался большим авторитетом среди студентов и педагогов, имел перегруженный класс и руководил воспитательной работой в музыкальной школе [5, д. 12, л. 3, 5; 14, д. 503, л. 137 об.].

Распространенными способами решения кадрового вопроса были перевод из других учреждений (городов) и распределение выпускников. Например, в мае 1944 г. заслуженный артист Белорусской ССР, доцент А. Л. Бессмертный перешел со службы в Саратовском оперном театре в консерваторию, в августе 1944 г. из Куйбышевского театра оперы и балета – заслуженный артист РСФСР М. Н. Реентович. Однако он был занят главным образом в Тамбовском музыкальном училище в должности директора и преподавателя, поэтому данная мера носила временный характер и не разрешала задачи наличия в штате скрипача-виртуоза [16, д. 132, л. 85, д. 134, л. 59; 17, д. 63, л. 145]. В июне 1944 г. в Саратовской консерватории 41 педагог, из них 7 профессоров и 14 доцентов. Высококвалифицированные специалисты требовались на должности заведующего фортепианной, вокальной и дирижерско-хоровой кафедрами, кафедрой струнных инструментов (скрипача), композитора-теоретика, режиссера оперного класса [11, д. 12, л. 1-16]. К 1944/45 учебному году пригласили ряд педагогов: Серебровского, Неспелова (вокальный факультет); на дирижерско-хоровой факультет прислали выпускницу Московской консерватории Маркову [2, д. 39, л. 70]. При комплектовании преподавательского состава Казанской консерватории в сентябре 1945 г. также использовались инолокальные ресурсы (преподаватели из Москвы, Ленинграда, Баку) [11].

Кадровая проблема сопровождалась и усугублялась отсутствием необходимых бытовых условий. В частности, в Главном управлении учебных заведений к февралю 1943 г. сконцентрировались сведения о чрезвычайно тяжелых условиях жизни в Саратове некоторых профессоров (Г. М. Коган, В. Э. Ферман, Т. Н. Ливанова), а также о полном срыве занятий из-за холода. В результате преподаватели либо уезжали из Саратова (музыковед, историк музыки В. Ю. Дельсон), либо ютились после временного размещения в учебном здании в квартирах за высокую арендную плату (профессор В. Ф. Туровская, А. П. Щапов) [5, д. 12, л. 3; 13, д. 833, л. 87, 91, 91 об.; 17, д. 63, л. 150 об.].

Негативно сказалось на деятельности Саратовской консерватории отсутствие единого руководства: с 1941 г. по 1945 г. сменилось 4 директора (а с 1912 г. по 1944 г. их было 15) [5, д. 12, л. 2]. В декабре 1942 г. временно исполнял обязанности директора Саратовской консерватории Г. А. Столяров (по совместительству с аналогичной должностью в Московской консерватории, эвакуированной в Саратов) [12, д. 1002, л. 71]. В ноябре 1943 г. его сменил и.о. директора Б. Н. Бурлаков, а затем переведенный из Рязанского музыкального училища С. А. Заливухин. В апреле 1944 г. директором назначили профессора Г. К. Поповицкого. Однако организационные ресурсы вуза оставались весьма слабыми: по данным на июнь 1944 г. не были заняты вакансии помощника директора по административно-хозяйственной части, коменданта здания, не хватало уборщиц, истопников и т.д. В результате помещение консерватории имело «казарменный вид. В классах, коридорах – пыль, захламленность, спертый воздух. Некогда блестящий концертный зал также крайне запущен» [2, д. 39, л. 43 об.; 5, д. 12, л. 1, 2, 3; 16, д. 113, л. 1, 13, д. 131, л. 137].

Контингент студентов определялся в 1938/39 учебном году в количестве 145 человек, в 1939/40 – 131, при слиянии Саратовской и Московской консерваторий – 225 (в ноябре 1941 г.), а к 1942/43 учебному году – 130. Многие студенты I, II и III курса должны были приехать в Саратов, но поступили в Московское музыкальное училище. Любопытно, что в качестве одного из факторов, отрицательно влиявших на прием, называлось прифронтовое положение города. Среди мер, предпринимавшихся для комплектования контингента, можно назвать вызов студентов, находившихся в других городах (в случае отказа терявших право реэвакуации), а также перевод из ЦДМШ в июле 1942 г. не только выпускников, но и лучших учеников IX и даже VIII классов [1, д. 33, л. 39; 2, д. 33, л. 39, д. 36, л. 27 об., д. 37, л. 27; 17, д. 12, л. 46].

После отъезда в столицу Московской государственной консерватории студентов собственно Саратовской консерватории осталось на 18 сентября 1943 г. 73 человека при плане в 140 человек [2, д. 39, л. 43 об.]. В результате дополнительного приема на всех курсах было 110 студентов и 32 – в Мордовской и Чувашской национальных студиях [5, д. 12, л. 1]. Осенью 1945 г. в Казанской консерватории контингент студентов усатанавливался в 60 человек. На теоретико-композиторский факультет предполагали поступить начинающие авторы, тесно связанные с Татарским отделением Союза советских композиторов: Ахметов, Валиуллин, Хасанов, Мазитов [10; 11].

На количественные показатели состава студентов, получавших высшее музыкальное образование в Средневолжском регионе, оказывал влияние недобор при приеме и отсевах. Так, в 1939/40 учебном году прием в Саратовскую консерваторию планировался в количестве 66, а фактически оказался 37 человек [17, д. 12, л. 46]. В конце учебного года в консерватории числилось 84 студента, из них 10 дипломников, в студиях – 18 учащихся.

Таким образом, с 1 октября 1943 г. по 1 июня 1944 г. контингент уменьшился на 26 и по студиям – на 14 человек. В отдельных классах (фортепиано, труба, флейта, кларнет, фагот) обучалось по 1, 2 и 3 человека [5, д. 12, л. 2]. К причинам отсева относили неуспеваемость, зачастую обусловленную недостаточно компетентным выявлением степени музыкальной одаренности и вокальных данных абитуриентов, а также совмещение со службой и призыв в Красную Армию (например, в 1939/40 учебном году отсев составил 21 человек, из них 16 – по призыву), эвакуацию, материально-бытовые трудности [17, д. 12, л. 46, д. 63, л. 146].

Удовлетворительное состояние учебно-производственной базы – один из ключевых факторов успешного функционирования образовательного учреждения. По данным на конец 1940 г., здание Саратовской консерватории, построенное в 1902 г., не подвергалось капитальному ремонту на протяжении всего периода существования. Учитывая дополнительную эксплуатационную нагрузку по причине работы в нем музыкального училища, требовались серьезные капиталовложения. Проект реконструкции чердачного перекрытия (крыши в готическом стиле), датированный 1940 г., на площади в 270 кв. м. с целью оборудования дополнительно 12-15 классов для индивидуальных занятий, реализован не был [18, д. 24, л. 55].

Важнейшей статьёй считался ремонт отопительной системы, из-за неисправности которой был сорван учебный процесс и не выполнен план по доходам от аренды зала в 1943 г. примерно наполовину. Только 1944/45 учебный год удалось провести в регулярно отапливавшемся здании. Неудовлетворительным состоянием отличалась и противопожарная безопасность вуза: в 1940 г. не имелось ни специального водопровода, ни одного гидранта [3, д. 6, л. 66; 17, д. 63, л. 145; 18, д. 24, л. 55].

Наличие общежития – одно из условий рационального расходования средств вуза, более полного контроля над учебно-воспитательной деятельностью, обеспечения возможности качественного набора иногородних абитуриентов и сокращения отсева по причинам материально-бытового характера как показателя неэффективно организованного учебного процесса. Альтернативным решением проблемы размещения являлась аренда комнат в частных квартирах. В среднем для бюджета консерватории проживание одного студента обходилось в 500-600 руб. в год (по данным на 1943 г.). К 1944 г. общежитием на 18 человек была обеспечена фактически только Мордовская студия [3, д. 6, л. 66].

В 1944/45 учебном году, несмотря на выделение двух помещений для общежитий (оказавшихся непригодными для эксплуатации), большая часть студентов проживала в здании Консерватории, что привело к закрытию медицинского пункта и ограничению работы военной кафедры одной небольшой комнатой и для занятий, и для хранения оружия. Кроме того, их поселили в сырое подвальное помещение, в результате чего наблюдались частые заболевания, в том числе 1 случай туберкулеза легких [17, д. 63, л. 145, 150 об.].

Казанской консерватории предоставили просторное здание в центре города, занятое до войны школой № 4. В местной печати указывалось, что для развертывания работы 5 факультетов не требовалось перепланировки, однако предстоял капитальный ремонт. Иногородние учащиеся получали комнаты в общежитии [11].

К базовым детерминантам музыкального образования относится обеспеченность инструментами. По данным на 1944 г., в Саратовской консерватории практически отсутствовали деревянные инструменты (фагот, флейта, кларнет, гобой), что не позволяло привлечь на эти специальности студентов. По отчетным сведениям за 1944-1945 гг. в консерватории наблюдался острый недостаток и крайняя изношенность клавишных инструментов (в 1944 г. их насчитывалось примерно 30-40). Ремонт затруднялся сложностями в получении починочных материалов: например, из 20 номеров струн в наличии было только 3 [16, д. 142, л. 62; 17, д. 63, л. 145, 151]. Несмотря на проблему дефицита инструментальной базы к началу занятий в Казанской консерватории выделили 12 роялей и пианино, частично отгруженных из Москвы [11].

Библиотечный фонд Саратовской консерватории также определялся как непригодный для нормальной научной и учебной деятельности. Требовалось пополнение литературы по музыкально-теоретическим предметам, истории музыки, всем разделам специальностей. Небольшое улучшение отмечалось в 1944/45 учебном году за счет поступлений вокальных произведений, но устранить необходимость в произведениях западных и русских классиков и советских композиторов можно было только в результате расширения работы Музгиза с учетом новых программ [17, д. 63, л. 145, 147]. Значительную роль для вновь организуемой библиотеки Казанской консерватории сыграл дар композитора-фронтовика орденоносца М. Латыпова. Приехав в отпуск, он привез с собой 60 клавиров опер, симфоний и других крупных классических произведений (И. Бах, Л. Бетховен, Р. Вагнер) [11].

Таким образом, государственная политика в сфере музыкального образования, обеспеченность кадрами, состояние учебно-производственной базы, эвакуационные процессы явились важнейшими факторами, повлиявшими на развитие высшего образования в регионе. Исследуемый институт музыкально-культурной системы в 1939-1945 гг. можно охарактеризовать как формировавшийся. В динамическом ракурсе наиболее полноценным стал период эвакуации в Саратов Московской консерватории, усиливший образовательный потенциал Среднего Поволжья в 1941-1943 гг. (по численному составу и профессиональному уровню занятых в музыкальных вузах преподавателей и студентов, по увеличению направлений подготовки кадров). В структурном аспекте исследуемая сфера претерпевала изменения в виде интеграции, новообразований, редукции, разделения. Организационное усложнение сопровождалось расширением географии высшего музыкального образования на протяжении 1939-1945 гг. (вовлечение Казанской модели, охват Чувашской и Мордовской АССР за счет национальных студий). Его количественные показатели развития в Среднем Поволжье варьировались с вектором на стабильное повышение (открытие новой консерватории, постепенное улучшение материально-бытового положения и успеваемости и т.д.).

Список литературы.

1. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1.
2. ГАНИСО. Ф. 1753. Оп. 1.
3. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 2330. Оп. 1.
4. ГАСО. Ф. 2864. Оп. 1.
5. ГАСО. Ф. 2865. Оп. 1.
6. Коммунист (Саратов). 1942. 20 июня.
7. Коммунист (Саратов). 1943. 30 июня.
8. Коммунист (Саратов). 1943. 11 июля.
9. Красная Татария (Казань). 1945. 20 мая.
10. Красная Татария (Казань). 1945. 3 июня.
11. Красная Татария (Казань). 1945. 30 сентября.
12. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 962. Оп. 3.
13. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 4.
14. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 19.
15. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 20.
16. РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 1.
17. РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 5.
18. РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 11.
19. РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 21.
20. Салихова Л. И. Татарская оперная студия при Московской государственной консерватории (1934-1938 гг.) в контексте музыкальной культуры Татарии 20-х гг. XX века: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Казань, 2009. 27 с.

**HIGHER MUSICAL EDUCATION IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN 1939-1945:
STRUCTURAL-DYNAMIC PROCESSES AND THEIR DETERMINANTS**

Ol'ga Vladimirovna Tuzova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Sociology, Political Science and National History
Samara State Technical University
ovtuzova@mail.ru

The author analyzes the basic structural transformations and dynamic processes in the sphere of higher musical education in the Middle Volga region during the Second World War, 1939-1945: integration, reduction, separation, new formation, and reveals such determinants as cultural policy, provision with personnel, premises, instruments, library stock, living conditions.

Key words and phrases: higher musical education; regional musical culture; structural-dynamic processes; conservatory; the Middle Volga region; the Second World War.

УДК 9(4)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается оказываемое прессой влияние на германо-британские отношения в конце XIX в. Основное внимание в работе автор акцентирует на том, как пресса каждого из этих двух государств влияла на формирование отношений при учете разницы во взаимодействии между печатью и правительством. Анализируются как негативные, так и положительные кампании в печати обоих государств. На основе вышеизложенного сделан вывод о негативном влиянии прессы на попытки сближения Германии и Великобритании в данный период.

Ключевые слова и фразы: Германия; Великобритания; пресса; Трансвааль; колониальный передел мира; газетная кампания; Гельголандский пакт; промышленные и колониальные круги общества.

Андрей Сергеевич Царев

*Кафедра всеобщей истории и международных отношений
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
patriklitkin@yandex.ru*

**ВЛИЯНИЕ ПРЕССЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГЕРМАНО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В КОНЦЕ XIX В. ©**

На протяжении долгого времени основной функцией прессы было распространение новых известий, не сопровождаемых какими-либо критическими комментариями. В XIX в., а особенно ближе к его концу,